
КТ-8°
МК 88А

Arnauld

СИДНЕЙ
И
СИЛЛИ,
ИЛИ
БЛАГОДѢЯНІЕ
И
БЛАГОДАРНОСТЬ,
Аглинская повѣсть.

Изданіе второе.

МОСКВА.

Въ Типографіи Компаніи Типографической,

1788.

Къ Госпожѣ....

Слѣдуя волѣ твоей, перевелъ я Сиднея, и тебѣ приношу переводъ мой. Что мнѣ нужды, будутъ ли хвалить его другіе? лишь бы онъ понравился тебѣ. Ты одна всю вселенную для меня составляешь.

Сидней и Силли,

или

Благодѣяніе

и

Благодарность.

Третьяго дня былъ я по обыкновенію моему въ вольномъ домѣ. Тамо, истощивъ уже всѣ разговоры о глубочайшихъ политическихъ дѣлахъ, поискавъ способовъ къ снисканію нашей пользы, подавая притомъ миръ Европѣ, начали говорить о Философіи и о Философахъ. Одни вступились за Бакона, другіе за Локка, иные за Невтона, и сей послѣдній имѣлъ превосходнѣйшее число защитниковъ; почти всѣ согласились почесть его ге-

роемъ всѣхъ мудрыхъ мужей великой Британіи. Толстой человѣкъ, слушавшій насъ съ нѣкоторымъ родомъ критическаго равнодушія, и посылавшій намъ къ носу густыя изъ дыму облака, положилъ на столъ свою трубку, и говорилъ намъ спокойнымъ видомъ: Господа! вы ни малѣйшаго не имѣете понятія о благоразуміи и Философіи; по моему мнѣнію тотъ есть Философъ, которой ближнему добро дѣлать умѣетъ; а не тѣ врали, которые становятся страдальцами сумозбродныхъ системъ своихъ. Пускай Исакъ Невтонъ будетъ человѣкъ великой; да я знаю человѣка еще болѣе его. Онъ не успѣлъ докончить сихъ словъ, какъ взялъ опять свою трубку, и сталъ курить съ прежнею важностію. Послѣднія слова его возбудили въ собраніи любопытство. Человѣ-

ловѣкъ болѣе Невтона, ктобъ былъ толь рѣдкой изъ смертныхъ? Всѣ къ нему подходить стали, и одинъ изъ собранія просилъ его съ учтивостію сказать намъ, ктобъ была сія чудная тварь, которая брала по его словамъ верьхъ надъ Философомъ, дѣлающимъ честь нашему народу? Съ охотою, отвѣчалъ онъ, мнѣ мило, когда добродѣтель толь явно почитаютъ; и я не сомнѣваюсь, что мой Философъ будетъ и вашимъ... Малой! подай намъ вина бутылку; не худо, господа! разтворить виномъ повѣствованіе.

Искренность сего человѣка привлекла насъ къ вниманію; мы велѣли подать вина, и сѣвъ около его, просили начать повѣсть. Такъ, государи мои! сказалъ онъ намъ, опорожнивъ большой стаканъ, я ласкаю себя надеждою показать вамъ, что такое есть прямой

мой Философъ. Сколь много ложныхъ! Я признаюсь, что съ нѣкотораго времени наскучили мнѣ всѣ ученыя разсужденія. Годдамъ (*)! говорилъ онъ, размахивая сильно своею трубкою, не въ томъ состоитъ добродѣтель, чтобъ сочинять книги; а въ томъ, чтобъ дѣлать добро, быть людямъ полезну, и утѣшать ихъ въ злополучіяхъ.

Сіи начальныя слова насъ тронули. . . Какова вы меня видите? продолжалъ онъ, я читалъ не меньше другихъ великое число важныхъ дурачествъ; я набилъ себѣ голову множествомъ великолѣпныхъ глупостей, которыя называются *знаніями*; я путешествовалъ, мнѣ попадалось безконечное число карловъ, которые щитали себя вели-

(*) Аглинская божба.

великанами; попадалось множество безумцовъ, которые премудрыми себя называли. Объѣхавъ дважды свѣтъ, встрѣтился я въ восточной Индіи съ однимъ изъ нашихъ земляковъ, называемымъ Сидней. Онъ былъ въ сухопутной службѣ, богатъ, безъ гордости, безъ жестокосердія; словомъ, онъ былъ самой кроткой и честной человѣкъ. Я познакомился съ симъ великодушнымъ Британцемъ. Вседневно находилъ я въ немъ новыя добродѣтели, кои, убѣгая славы, были тѣмъ самымъ еще почтеннѣе. Я спѣшу начать повѣсть, и умалчиваю о множествѣ такихъ дѣлъ, изъ коихъ бы и одно могло сдѣлать ему похвалу несказанную. Вы услышите теперь добродѣтельное дѣйствіе нашего согражданина точно такъ, какъ я слышалъ оное изъ устъ вѣрнѣйшаго его дру-

друга; ибо самъ онъ не желаетъ того, чтобъ узналъ свѣтъ о его благодѣянiяхъ. Не дивитеся тому, что стану я разсказывать сiю повѣсть съ такою точностiю; я написалъ ее своею рукою, и знаю наизусть. По моему мнѣнiю она стоитъ всѣхъ мнимыхъ храбрыхъ дѣлъ вашихъ Александровъ и Цесарей, которыми человѣческая память толь безплодно обременяется.

Сидней имѣлъ въ Индiи знатнѣйшiй воинской чинъ. У насъ была тогда война съ Набабомъ. На одномъ сраженiи, на которомъ мы одержали побѣду, увидѣлъ Сидней между Индѣйцами одного Европейца, которой сражался съ яростiю; онъ ворвался въ Аглинскiе полки, и обагренной кровiю, побилъ уже онъ много нашихъ. Въ ту минуту, когда пораженъ имъ сталъ взоръ Сиднея, мучилъ

онъ

онъ солдата, издыхающаго уже отъ его ударовъ. Сіе звѣрское дѣйствіе возбудило въ Сидневой душѣ удивленіе и ужасъ; онъ не могъ себѣ представить, чтобъ такое варварство было безъ причины; повелѣлъ схватить сего человѣка, и привести его къ себѣ живаго. Приказаніе сіе было исполнено. Схватили сего ожесточеннаго, оторвавъ его съ трудомъ отъ добычи, и принесли его въ Сидневъ шатеръ, лишеннаго памяти и истекшаго почти кровію. Согражданинъ нашъ подошелъ къ сему изступленному, и примѣтилъ въ немъ лицо благородное и любезное, и черты, означающія душу честнаго человѣка. Сидней не могъ согласить того, что обѣщаетъ видъ сего плѣнника, съ тою яростію, съ которою метался онъ во время сраженія. Съ ве

ли

ликимъ стараніемъ велѣлъ онъ перевязать раны его. Нещастной! вскричалъ Сидней, взглянувъ на него, возможноль имѣть толь милой видъ съ толь жестокою и варварскою душею? Отъ чего могла родиться такая гнусная разность?

Раны плѣнника перевязали. Онъ открылъ глаза свои. Я еще вижу свѣтъ, я еще людей вижу, и не могу растерзать ихъ сердце, не могу истребить ихъ! О Боже! . . . По сихъ словахъ силится онъ встать, упадаетъ опять, затворяетъ глаза, рвется разорвать перевязки ранъ своихъ; но его не допускаютъ, и онъ въ другой разъ чувствъ своихъ лишается. Жалость, имъ произведенная, возрастаетъ. Сидней велѣлъ имѣть о немъ особливое попеченіе, и приказалъ себѣ сказать, какъ скоро чужестранецъ опомнится.

На-

Надобно, говорилъ почтенной нашъ согражданинъ, надобно, чтобъ сей человѣкъ терзаемъ былъ какою нибудь жестокою страстію, или чтобъ лютыя его нещастія родили въ немъ ненависть ко всему человѣческому роду. Бѣшенство его преестественно. Нѣтъ такого сердца, которое бы, не волнуемо будучи никакимъ сильнымъ движеніемъ, ввергалось само собою въ толикую жестокость.

Доброе мнѣніе, которое имѣлъ Сидней о плѣнникѣ, влекло его опять къ сему нещастному; онъ еще не вошелъ къ нему, какъ раненой, отворивъ умирающіе глаза, покушался въ другой разъ разорвать перевязки. Великодушіемъ исполненный Сидней удержалъ его руки: что ты дѣлаешь? вскричалъ онъ, ты теперь не между дикими; Агличане люди. — Люди? отвѣчалъ

чуже-

чужестранецъ съ видомъ мрачнаго отчаянія; я сихъ-то бы чудовищъ и растерзать хотѣлъ. Естьли искра жалости въ васъ остается, естьли не всѣ вы львы, не всѣ вы тигры, то пустите умереть меня. Сего единаго утѣшенія отъ васъ я ожидаю, когда уже не могу разрушить, когда не могу я истребить весь родъ человѣческой Небо! скончай ужасны дни... Твое стараніе безполезно, продолжалъ онъ говорить Сиднею; не смотря на злодѣйскія твои вспоможенія, я знаю, какъ добиться смерти, которая будетъ мнѣ первымъ на свѣтѣ благодѣяніемъ. По сихъ словахъ закрылъ онъ подушками свою голову, и сталъ жалостно стонать. Сіе зрѣлище смягчало отъ часу болѣе добродѣтельнаго Сиднея. Онъ имѣлъ такое о плѣнникѣ своемъ попеченіе, какъ

чадолюбивой отецъ о собственномъ своемъ сынѣ.

Больной мало помалу, и какъ будто по неволѣ къ жизни возвращался. Воздыханія его слышны были; часто проливалъ онъ такія слезы, каковыя чувствительные люди, различающіе разныя дѣйствія печали, признаютъ за слезы сердечныя. Онъ самъ подвигнутъ сталъ несказаннымъ о немъ попеченіемъ Сиднея. — Какъ, государь мой! говорилъ ему раненой въ ту минуту, когда казался онъ спокойнѣе прежняго, ты человѣкъ? а въ тебѣ не каменное сердце? Ахъ! вѣрь мнѣ, что я чувствовать благодарность способенъ, но чего ты надѣешься? Сохранить жизнь мою, жизнь, сей источникъ лютѣйшихъ мнѣ нещастій! Когда уже нашелъ я въ тебѣ существо благотворное, то пусти умереть меня. — Какъ, от-

отвѣтствовалъ Сидней, взявъ за руки плѣнника, ты не хочешь любить меня? Я Аглечанинъ, ты мнѣ кажется рожденнымъ во Франціи; но для Сиднеева сердца нѣтъ на свѣтѣ семъ врага. Онъ тебя утѣшитъ, онъ другъ нещастныхъ. —

Есть друзья на свѣтѣ? Ахъ, государь мой! я столько жилъ. . . Душа моя скорбію отягчена; ты видѣлъ меня въ бѣшенствѣ, ты видѣлъ, какъ я метался на людей . . . Они сдѣлали меня варваромъ. По сихъ словахъ полился источникъ горькихъ слезъ изъ очей сего неизвѣстнаго человѣка. Нѣтъ, я не злодѣй, говорилъ онъ, я не чудовище, я имѣю сердце . . . Я его имѣю, и вотъ мое нещастіе... Сидней его обнимаетъ. Ободрись, говоритъ ему, душа моя тебѣ отверста; безъ сомнѣнія жестокость сія тебѣ не прилична;

на; я усмотрѣлъ душевное свойство твое сквозь твоея лютости; оно изображено было на лицѣ твоемъ, обезображенномъ текучею кровiю. — Далеко, государь мой! отвѣчаетъ ему чужестранецъ, далеко отъ того, чтобъ я былъ безчеловѣченъ; суди о моемъ отчаянiи. Я принужденъ сталъ себя унизить до того, до того ожесточиться... Я самъ себѣ ужасенъ. Люди, недостойные сего имени! вы знаете, созданъ ли я былъ любить васъ?

Но скажи мнѣ, говорилъ Сидней, гдѣ ты жилъ? не въ лѣсахъ ли между чудовищъ? — Ахъ! естьлибъ жилъ я только съ ними, перерываетъ плѣнникъ; но нѣтъ. Я жилъ между людьми, жилъ въ самомъ Парижѣ.

Великодушной Агличанинъ нечувствительно привлекъ его къ повѣствованiю его нещастiй.

Позвольте господа поднести вамъ по рюмкѣ вина, и выпить мнѣ самому. Послушайте меня, вы узнаете Сиднея, прямаго Философа.

Ты мнѣ кажешься, говорилъ ему плѣнникъ, достойнымъ того, чтобъ я оправдался; узнай мои бѣдствія, и разсуди, справедливаль та ненависть, которую имѣю я и къ людямъ и къ себѣ.

Я родился въ Парижѣ. Родня моя жила въ такой провинціи, гдѣ Дворянство не весьма достаточно. Отецъ мой пріѣзжалъ ко двору искать себѣ мѣста въ военной службѣ. По многихъ затрудненіяхъ и досадахъ получилъ онъ желаемое, и женился на благородной дѣвицѣ, которая была сколь прекрасна, столь и добродѣтельна. У нихъ дѣтей было много. Старшій былъ я. Одинъ изъ братьевъ мо-

моихъ умеръ съ оружіемъ въ рукахъ. Мать моя не могла перенести сей печали. Она оставила отца моего съ сыномъ и дочерію въ небогатомъ состояніи. О первыхъ годахъ моихъ говорить мнѣ нечего. Я родился чувствителенъ, и сіе самое было основаніемъ всѣхъ моихъ нещастій и печалей. Душа моя изображалась на лицѣ моемъ, и изъявляла нѣжность и человѣчество. Я воспитанъ былъ съ такими мыслями, что добродѣтель, честность, чувствительность могутъ дѣлать людей благополучными, что люди снизходительны и усердны утѣшать ближнихъ, одолжать ихъ, и дѣлать имъ вспоможеніе. Едва вышелъ я изъ младенчества, какъ сталъ имѣть уже въ рукахъ моихъ книги. Въ сихъ-то обманчивыхъ зерцалахъ учился я познавать родъ человѣческой. Я читалъ въ

нихъ, что есть на свѣтѣ герои, мудрые, сердца благодѣтельныя, друзья ревностные; словомъ, что есть люди, и душа моя возхищалась сею прелестною мечтою. Съ такими мыслями, съ такимъ чувствіемъ вошелъ я въ свѣтъ. Природа моя, нѣкоторой вкусъ къ химерамъ, называемымъ науками, кои хотя въ большей части людей умерщвляютъ чувствованіе, но во мнѣ питали, и умножали оное; желаніе мое нравиться другимъ, необходимость любить все то, что меня окружаетъ, наконецъ мое чистосердечіе составляли титлы, кои принесъ я съ собою въ сообщество, и коимъ придавалъ я нѣкоторую цѣну. Я не много медлилъ повѣрить всѣмъ обманамъ жизни сея. Вѣрилъ я великимъ людямъ, сердцамъ сострадающимъ, душамъ благороднымъ, кои любятъ добро-

дѣтель для нее самой; словомъ, я вѣрилъ всему, чему быть надлежало, . . . и чего нѣтъ на свѣтѣ. Весьма малой достатокъ отца моего изтощался вседневно. Сестра моя вышла за Дворянина, которой, не будучи богатъ, наслаждался спокойнымъ состоянiемъ. Съ жизнiю возрастало въ душѣ моей отвращенiе къ тому, что называется наукою дѣлать свое щастiе. Можетъ быть я и слишкомъ разборчивъ былъ въ способахъ снискивать благополучiе, и я думалъ, что друзья мои (ибо въ нихъ я почти вѣровалъ) порадуются, видя во мнѣ сiе благородное свойство. Я старался заслужить ихъ доброе обо мнѣ мнѣнiе, которое они мнѣ слишкомъ и изъявляли; а особливо старался я заслужить собственное мое о себѣ самомъ удовольствiе, которое, казалось мнѣ,

 сто-

стоитЪ не менѣе другихЪ. ВЪ знатнѣйшіе домы входЪ мнѣ былЪ отворенЪ. Я ничего не скажу вамЪ о женщинахЪ. Я на нихЪ менѣе жалуюся, нежели на мужчинЪ; онѣ умѣютЪ и самые величайщіе свои недостатки украшать пріятностями; легкомысліе ихЪ и вѣтреность извиняются ихЪ прелестьми, по крайней мѣрѣ имѣютЪ онѣ наружной видЪ человѣчества и кротости, которой исправляетЪ то, чѣмЪ худыя дѣла ихЪ возмущаютЪ. Еще любилЪ я другую мечту. ДумалЪ я, что, будучи богату, не надлежитЪ вкушать и знать инаго щастія, какЪ только то, чтобЪ быть другимЪ полезну и дѣлать благодѣянія.

Я увидѣлЪ, что мнѣ и вЪ самомЪ дѣлѣ подумать надобно было о моемЪ состояніи; примѣчалЪ уже я, что нещастіе

ко

ко мнѣ весьма приближается. Сказывали мнѣ, что я имѣю нѣкоторыя дарованія, и что мнѣ не трудно преодолѣть нещастную мою судьбину. Что мнѣ болѣе вамъ сказать, государь мой? Я дожилъ уже до той минуты, въ которую люди представились моему взору въ прямомъ своемъ видѣ. Отецъ мой увѣдомилъ меня, что онъ, потерявъ свой искъ, совершенно разорился; ибо въ защищеніе свое имѣлъ онъ одну только справедливость. Мнѣ не было нужды привлечену быть должностію къ тому, къ чему влекло меня сердце мое. Нѣсколько лѣтъ удавалось мнѣ имѣть случай доставлять честнымъ образомъ вспоможеніе отцу моему въ убожествѣ. Онъ былъ бѣденъ, и тѣмъ самымъ сталъ еще любезнѣе, еще милѣе сердцу моему. Я произносилъ священ-

ное имя родителя съ почтенiемъ и горячностiю. Имѣя входъ къ знатнымъ боярамъ, ласкался я привести ихъ къ сожалѣнiю. Не стыдясь своимъ состоянiемъ, и не имѣя той смѣшной гордости, которою иногда нещастные заражаются, открылъ я имъ мое злое состоянiе, представлялъ я имъ почтенную старость и слезы отца моего. Они обѣщали мнѣ помочь съ видомъ милостиваго снизхожденiя, открыли мнѣ всю пышность, всю надмѣнность покровителей, мнѣ, которой бы думалъ ихъ тогда унизить, естьлибъ столь я былъ презрителенъ, чтобъ могъ согласиться имѣть ихъ покровителями. Безразсудной! я любилъ ихъ, а любить тѣхъ не льзя, съ которыми щитаешь себя внутренно неравнымъ; ибо безъ равенства ни дружба, ниже веселiе въ сообществѣ быть

не

не можетъ. Сіи придворные рабы имѣютъ еще другихъ рабовъ сто разъ безчеловѣчнѣйшихъ, нежели ихъ недостойные милостивцы, и они-то заставили меня узнать прямое нещастіе и униженіе. Сіе первое испытаніе возмутило духъ мой. Возможноль тому повѣрить, что нѣкогда одинъ изъ сихъ Боярскихъ тварей, услыша мою жалобу, на лютое мое состояніе сказалъ такимъ же тварямъ: *жаль бы мнѣ было, естьлибъ этотъ человѣкъ сдѣлалъ свое щастіе. Онъ съ жалобами своими очень забавенъ, и это самое даетъ такую силу его воображенію, которая производитъ пріятные замыслы.* Не хотя быть позорищемъ, ни пищею жестокія праздности сихъ лютыхъ тунеядцевъ, думалъ я найти въ ученыхъ людяхъ то, въ чемъ мнимые ихъ меценаты мнѣ отка-

казали. Сіи учители людей, говорилЪ я самЪ себѢ, должны имѢть всѢ добродѢтели. Они всеминутно оныя превозносятЪ, на театрѢ придаютЪ они имЪ всѢ прелести разума, всю силу остроты: чегожЪ надѢяться не льзя отЪ тѢхЪ ФилософовЪ, отЪ тѢхЪ мудрыхЪ, кои заняты только щастіемЪ человѢчества, которые сему имени посвящаютЪ всѢ свои разсужденія, всѢ свои сочиненія? Я шелЪ кЪ нимЪ сЪ благородною довѢренностію, я пролилЪ предЪ ними слезы; но слезы мои были безплодны. СЪ прискорбностію увидѢлЪ я, что разумЪ есть обманщикЪ, пріемлющій на себя всѢ виды; что сіи хвалители добрыхЪ дѢлЪ были наемники, кои смѢялись тому тихо, что вЪ слухЪ другимЪ проповѢдывали; что, словомЪ, были они суровы по принятому правилу; что все, кро-

мѢ

мѣ принадлежащаго до ихъ самихъ, до ихъ славы и корысти, дѣлали они, не слѣдуя тому законодательству и той премудрости, которой въ книгахъ своихъ научали; что сами они терзаются завистію, суетою и самолюбіемъ. Два рода людей представились мнѣ совсѣмъ обнаженны. Не могу того сказать, кто изъ нихъ былъ свирѣпѣе. Претерпѣлъ я отъ обоихъ несказанныя суровости. Сердце мое чрезмѣрно уязвлено было, а сіи столь глубокія, столь живыя раны умножаются у нещастныхъ до безконечности. Въ разсужденіи богатыхъ ... При сей единой мысли бѣшенство мое возгарается. Они вдались совершенно всѣмъ порокамъ, всѣмъ злодѣяніямъ; одно ихъ безстыдство можетъ равняться съ ихъ безчеловѣчіемъ. Они уже и не берутъ труда скрывать ока-

окаменѣлость душъ своихъ вмѣсто того, что знатные Бояре стремятся украсить свое жестокосердіе наружною ласкою. Кажется, что богатой престаетъ тотъ же часъ быть человѣкомъ, и зрѣлище можетъ быть самое пріятнѣйшее и самое приманчивое для сихъ подлыхъ любимцевъ фортуны есть не иное что, какъ страданіе и слезы нещастнаго. Такъ, государь мой! нѣтъ такой лютости и между свирѣпѣйшихъ звѣрей; и естьли нещастной захочетъ иногда имѣть отраду своей горести, имѣть въ бѣдственномъ состояніи утѣшеніе, то пусть бѣжитъ онъ сообщества богатыхъ, пусть лучше надѣется онъ помощи отъ послѣдняго изъ убогихъ. Они хотя объ немъ потужатъ, тѣмъ его утѣшатъ, и остановятъ на нѣсколько сердечныя слезы.

Ни-

Никто мнѣ сказать того не дерзнетъ, чтобъ я не видалъ въ прямомъ видѣ тѣхъ чудовищъ, коихъ богатство ожесточаетъ. Сколь много я ихъ ненавижу! сколь много я гнушаюся ими! Мѣщане могли бы думать, могли бы чувствовать, естьли бы имѣли они довольно силы освободить себя отъ того подражанія, которое дѣлаетъ ихъ обезьянами знатныхъ Бояръ, и вкореняетъ въ нихъ склонность къ роскоши, умерщвляющей чувствіе честности. Они заняты бываютъ однимъ своимъ щастіемъ; ибо въ немъ щитаютъ они всю свою славу, удовольствіе и самое существо свое. Доходами своими изчисляютъ они степень своего блаженства и чести, и живутъ, не зная, какъ прямо человѣкъ жить долженъ. Бѣдствіе мое извѣстно было немногимъ лю-

людямъ сего состоянія, которое изъ всѣхъ могло бы почитаться первымъ, естьлибъ только въ немъ слѣдовали люди одной естественной добротѣ сердца своего. Что же надлежитъ до простаго народа, то оной есть не что иное, какъ одушевленная грязь. Онъ ведетъ себя по одной своей корысти. Не трудно понять его грубую механизму. Онъ плачетъ о судьбѣ нещастнаго, и въ ту самую минуту пронзаетъ его сердце, естьли смертію его можетъ достать онъ полушку болѣе того, что онъ выработываетъ. Наконецъ перешелъ я всѣ состоянія, стараясь найти человѣка. Сіе чувствительное сердце, говорилъ я самъ себѣ, найду я конечно между тѣми, кои, изторгнувъ себя отъ суетъ свѣтскихъ, проповѣдуютъ вѣру въ Бога благотворительнаго,

кои,

кои, вседневно предстоя алтарю Господню, исполняются чистымъ духомъ Христіянства. Сей последній ударъ мнѣ еще былъ предоставленъ. Въ нихъ-то самыхъ не нашелъ я ни малаго чувствованія, въ нихъ-то нашелъ я прямое жестокосердіе. Благочестивое безчеловѣчіе есть лютѣе всѣхъ прочихъ. Я получилъ отъ нихъ утѣшенія, жесточайшія всѣхъ обидъ на свѣтѣ. Какое состраданіе ложныхъ богоугодниковъ! Тогда въ отчаяніи исполнясь мрачною яростію, упалъ я на колѣна предъ отцемъ моимъ . . . Дражайшій мой родитель! говорилъ я ему, мы оба погибаемъ. Я ласкалъ себя надеждою, что молодость моя тебѣ полезна будетъ; вся моя надежда изчезла, всѣ сердца для слезъ моихъ затворились, и они для тебя только проливаются. Любезной и почтенной мой родитель! что съ тобою будетъ?

Что угодно Всевышнему, отвѣтствовалъ онъ мнѣ. Я безъ жалости разстаюся съ жизнію. Скоро скончаю я мое теченіе. Ты, сынъ мой! ты слезы мои извлекаешь; жизнь моя, все щастіе мое въ тебѣ я полагаю, и я умираю, оставляя тебѣ въ наслѣдство мои слезы и нещастіе. Думалъ ли я, дражайшій сынъ мой! чтобъ люди были толь нечувствительны? - - Не безпокойся моею судьбиною, старайся сохранить жизнь свою, которую почитаю я моею, и оставь меня на берегу бездны, въ которую низринусь я безъ сожалѣнія, естьли вышнее Существо тѣмъ смягчиться можетъ, и сдѣлаетъ тебя на сей землѣ благополучнѣе. По сихъ словахъ обнялъ онъ меня рыдая, прижалъ къ своей груди . . . Ахъ, государь мой! сіе донынѣ не выходитъ изъ памяти моей. Тще-

Тщетно сказывать вамъ о всѣхъ тѣхъ униженныхъ предпріятіяхъ, на кои снизходить я принужденъ былъ; тщетно изображать вамъ терзавшую меня печаль, которая меня отчасу болѣе повергала въ нещастіе. Я видѣлъ только отца моего и его злополучіе. Онъ одинъ поражалъ взоръ мой. Онъ одинъ основаніемъ былъ всему, что я ни начиналъ дѣлать. Въ посредственномъ моемъ состояніи дѣлалъ я множество услугъ тѣмъ, коихъ считалъ я своими друзьями; едва сталъ я имѣть одинъ только видъ нещастія, какъ всѣ мои друзья изчезли и явили въ себѣ людей неблагодарныхъ и враговъ, устремившихся на пагубу мою и отца моего. Одинъ способъ намъ еще остался. Зять мой любилъ сестру мою, которая отъ отца моего имѣла многіе знаки нѣжнѣйшей любви его.

Я ни мало не сомнѣвался, чтобѣ она не уговорила своего мужа помочь намъ въ убожествѣ, которое готово было насъ обременить. Сіе мое намѣреніе скрылъ я отъ отца моего; я спѣшилъ къ сестрѣ моей. Она приняла меня съ холодностію, которую дружество мое не допускало меня въ ней сперва примѣтить; я сообщилъ ей причину моего прихода. При всякомъ словѣ лице ея теряло черты прежнія привязанности и дружбы; нечувствительность ея измѣняла ей и раапространялась на челѣ ея. Она отвѣчала мнѣ, что мужъ ея строится, что у нихъ дѣти. Батюшка, говорила она, поступилъ со мною несправедливо; онъ дѣлалъ одолженія сродникамъ, друзьямъ, кои нынѣ насъ богатѣе. Пусть ищетъ онъ у нихъ вспоможенія, а ты, имѣя дарованія, какъ ты до сихъ

поръ

поръ никакого не имѣешь мѣста? Ты о своемъ щастіи видно никогда старанія имѣть не будешь. — Я никогда не буду имѣть толь каменнаго сердца, вскричалъ я, сердца сестры безчеловѣчной: прости злодѣйка! отецъ твой умираетъ въ бѣдности! и ты его умирать оставляешь, ты, которую онъ любилъ такъ много. Бойся, чтобъ дѣти твои не наказали тебя за твое преступленіе. Ты меня во вѣки не увидишь . . . Я ничего себѣ не просилъ у тебя, сестра неблагодарная! я просилъ для . . . Въ ту минуту выбѣжалъ я изъ сего проклятаго дому, не въ состояніи отъ слезъ ни слова промолвить. Я хотѣлъ скрыть отъ отца моего сію новую причину печали; но сердце мое ею обременено было, и она неволею изъ устъ моихъ излетѣла. Знаешь ли, дражай-

жайшій мой родитель! говорилъ я ему, за чемъ на нѣсколько дней я отъ тебя отлучался?... Я думалъ, что ты имѣешь еще дочь, что я сестру еще имѣю; но нѣтъ, я нашелъ безчеловѣчное чудовище. Она... она отказала мнѣ въ малѣйшемъ вспоможеніи, и она тебѣ должна жизнію и своимъ состояніемъ! Любезной сынъ! отвѣчалъ онъ мнѣ, безъ сомнѣнія верьхъ нашего нещастія состоитъ въ томъ, чтобъ презрѣнну быть отъ тѣхъ, которые жизнь свою отъ насъ получили; но Богъ мой и ты, продолжалъ онъ говорить, проливая горькія слезы, примите послѣднее мое издыханіе!.. Надобно простить сестрѣ твоей. Она зависитъ отъ мужа, и дѣти ея.. Увы! говорилъ я, сіето самое и должно заставить ее почувствовать всѣ твои права!
Все

Все сіе ничто въ сравненіи тѣхъ золъ, кои случились по томъ . . . Отца моего, моего нещастнаго отца повлекли въ тюрьму, Я бросился на шею неупросимаго заимодавца; онъ оттолкнулъ меня съ лютостію, а я не исторгнулъ изъ него жизни! Нещастіе дѣлаетъ насъ каменными, а бѣдствіе отца моего исполняло всю мою чувствительность. Я былъ пораженъ оною. Я просилъ вспоможенія самаго малаго, самаго священнаго, но и въ томъ и другомъ мнѣ было отказано. Я продалъ все, что я имѣлъ. Наконецъ, государь мой! представьте вы себѣ ужасное изображеніе, представьте отца моего въ тюрьмѣ, умирающаго въ нищетѣ, не имѣющаго иныя надежды, кромѣ своего нещастнаго сына, сына цѣлымъ свѣтомъ оставленнаго, всего лишившагося, окруженна-

го чудовищами. . . Я . . . я будучи благородно рожденный . . . имѣя душу, удаленную отъ всякой низкости . . . Но дѣло состояло въ спасенiи старика, котораго послѣднее воздыханiе казалось мною однимъ и удерживаемо было. . . Я принесъ себя на жертву, смирилъ себя, услышалъ гласъ Природы, она мнѣ вопiяла; я для нещастнаго отца моего предпрiялъ принять на себя самую низкость. . . При сихъ словахъ плѣнникъ отъ слезъ и воздыханiя не въ состоянiи былъ перевести духа. Великодушной Агличанинъ! продолжалъ онъ, повѣришь ли ты сему, что я приведенъ былъ жестокосердiемъ людскимъ къ тому, чтобъ просить милостыню нещастному отцу моему. Я ожидалъ ночи, и гласомъ, отъ слезъ ослабѣвающимъ, гласомъ мрачнымъ, произношенiемъ нестер-

стерпимыя печали, просилъ я милости у тѣхъ чудовищъ, которыхъ грудь я растерзать хотѣлъ.

По окончанiи сихъ послѣднихъ словъ Сидней, проливая слезы, обнялъ плѣнника: Ахъ! сколь любезно твое сердце, говорилъ ему Сидней, сколь достоинъ ты друзей! Я, продолжаетъ незнакомой, считалъ собранную милостыню, какое слово! Я ее считалъ и при всякомъ подаянiи отрывалась часть моего сердца. Толь малымъ и толь постыднымъ вспоможенiемъ могъ я по крайней мѣрѣ остановить послѣднее издыханiе отца умирающаго! Я недовольно еще былъ нещастливъ, недовольно бѣдностiю замученъ: меня взяли подъ караулъ какъ человѣка, который проситъ милостыню, лѣнися работать; я кричалъ тиграмъ,

меня окружающимЪ. Я для отца моего . . . для отца моего снизшелЪ на такую низкость; онЪ вЪ тюрьмѢ и жизнь его зависитЪ отЪ моея поспѢшности подать ему вспоможеніе. Ради человѢчества . . . Но меня не слушали и кинули меня вЪ нѢкоторой родЪ подземельной тюрьмы. Я требовалЪ, чтобЪ меня отвели кЪ судьѢ; привели меня кЪ нему. Сперва принялЪ онЪ на себя видЪ суровой и допрашивалЪ меня какЪ строгой судія. Увы, государь мой! говорилЪ я ему, вамЪ сказали правду . . . Я просилЪ милостыню, и конечно несозданЪ я быть вЪ семЪ низкомЪ состояніи; я человѢкЪ благородной, и можетЪ быть умѢлЪ бы умереть лучше другаго . . . Но мой отецЪ вЪ крайней теперь бѢдности, онЪ вЪ тюрьмѢ и для него хожу я по міру, хожу для моего родителя...

Су-

Судья сжалился, велѣлъ меня выпустить и обѣщалъ мнѣ свою помощь; но онъ умеръ самъ, и я потерялъ всю мою надежду. Наконецъ старость отца моего была его избавительницею. Законы отверзли ему двери темницы. Онъ изъ нее вышелъ. Я досталъ себѣ на купеческомъ кораблѣ мѣсто, которымъ я самъ насилу могъ прокормить себя. Первое мое чувствіе было безъ сомнѣнія къ отцу моему. Я взялъ его въ мои объятія и отвелъ на корабль. Пойдемъ, говорилъ я ему, дражайшій и нещастной мой родитель! оставимъ сію злодѣйскую землю, оставимъ дикихъ Европейцовъ. Можетъ быть Азійскіе тигры не будутъ столько люты. Когда я самъ себя пропитать могу, ты можешь еще жить... Увы! кромѣ тебя единаго друзей у меня нѣтъ; забудемъ и самое

имя моего отечества; нещастнымЪ не прилично любить.. ,

Я разсказалЪ только одну часть моего бѣдствія: сердце мое испытало еще другія и безЪ сомнѣнія жесточайшія, естьли изключить тѣ, кои чувствовать заставило меня состояніе отца моего. Нещастные имѣютЪ душу способнѣйшую, нежели благополучные, кЪ почувствованію нѣжности; нещастіе влечетЪ за собою ужасную тоску, которая есть, такЪ сказать, мать страстей жесточайшихЪ. . . и такЪ имѣлЪ я дерзновеніе влюбиться. Я не скажу вамЪ тѣхЪ обстоятельствЪ, кои мнѣ удалять надлежитЪ. Я влюбился вЪ молодую дѣвицу, которая была одна у своихЪ родителей, и ожидала вЪ разсужденіи богатства такой судьбины, которая запрещала мнѣ мыслить о томЪ, чтобЪ когда нибудь могЪ я быть

ея мужемъ. Разсудокъ, честность, молчать мнѣ повелѣвали и запрещали питать склонность, которую и вселять мнѣ не надлежало. Не внималъ я ни разсудку, ни моему состоянію, внималъ единой страсти. Юлія (такъ называлась моя любовница) предупредила нѣкоторымъ образомъ мое открытіе, и мы сказали другъ другу о любви нашей, не помышляя о слѣдствіяхъ. Любовь прерывала мои слезы, и помогала мнѣ сносить бремя моей жизни. Сія одна была тайна, которую скрывалъ я отъ моего родителя. Родственникъ ея примѣтилъ нашу страсть; молодые люди не много умѣютъ притворяться. Онъ требовалъ, чтобъ я съ нимъ поговорилъ наединѣ. Государь мой! говорилъ онъ мнѣ, я начну разговоръ мой такою довѣренностію, которая васъ раздражитъ

не

не можетЪ. Я почитаю васЪ достойнымЪ почтенія всѣхЪ людей. ВидЪ вашЪ и природа привлекаютЪ каждаго взять вашу сторону, я примѣтилЪ кЪ вамЪ склонность моей племянницы: я не сомнѣваюсь, чтобЪ вы не имѣли души нѣжной и просвѣщенной вЪ разсужденіи должностей, налагаемыхЪ на насЪ честію: вы очень бѣдны; а племянница моя ожидаетЪ со временемЪ . . . Довольно, государь мой! перервалЪ я рѣчь его сЪ живостію, вы предписываете мнѣ должность мою: вы показываете мнѣ мои нещастія, и вы меня узнаете. Я бѣжалЪ потомЪ написать слѣдующее письмо кЪ Юліи вЪ сію самую минуту, когда оставлялЪ я сЪ отцемЪ моимЪ ту часть свѣта, гдѣ любовь моя осталась:

„Я люблю тебя, дражай-
„шая Юлія! и никогда друга-
„го

„го къ тебѣ чувства имѣть не „буду. Чрезмѣрная любовь моя „извинитъ меня передъ то„бою въ томъ, что открылъ „я тебѣ сердце, которое дол„жно быть исполнено единою „прискорбностію о томъ, что „не могу владѣть тобою. Я „бѣденъ: не хочу имѣть сует„ности, говоря съ тобою. Я „нещастнѣйшій въ свѣтѣ чело„вѣкъ, слѣдственно и не льзя „быть мнѣ твоимъ мужемъ. „Забудь меня, владычица ду„ши моей. . . Ахъ! что я гово„рю? но мнѣ сказать то на„добно: извлеки, любезная Юлія! „извлеки образъ мой изъ своего „сердца, сдѣлай благополучны„ми своихъ родителей, и того „. . . которому щастіе велитъ „быть въ твоихъ объятіяхъ. „Я ѣду, оставляю Европу . . . „покидаю Юлію. Не старайся „вѣдать, что со мною будетъ

„тамъ,

„ шамъ, куда влечетъ меня не-
„ щастіе. Естьли буду я имѣть
„ силу жить еще на свѣтѣ, то
„ мнѣ дозволено будетъ имѣть
„ душу мою, наполненную то-
„ бою: послѣ Юліи кто мною
„ владѣть можетъ? Прости....
„ прости . . еще тебя прошу,
„ забудь меня, сего требуетъ
„ должность твоя, моя честь...
„ твое щастіе.„

Письмо сіе орошено было моими слезами. Я хотѣлъ еще много къ нему прибавить.... Наконецъ поѣхалъ я съ отцемъ моимъ, которой соединилъ въ себѣ всю мою горячность, всѣ мои старанія, и уже во время сего путешествія признался я ему въ нещастной моей страсти. Отецъ мой былъ мнѣ другъ; онъ пролилъ вновь слезы о моей судьбинѣ. Мы окончали нашъ путь. Одинъ изъ злодѣевъ, влекомъ будучи единою своею злобою,

бою, лишилъ меня моего мѣста, и я впалъ въ ужаснѣйшую нищету. Я вопіялъ о помощи, предъ всѣми проливалъ горькія слезы, всѣ видѣли почтенную старость отца моего, никто не тронулся отверстымъ его гробомъ, всѣ очи свои отъ меня отвратили; всѣ сердца окаменѣли! Нѣтъ на землѣ человѣчества. Индѣйскія чудовища столько были люты, какъ и Европейскія. Наконецъ остались мы въ пещерѣ на берегу моря. Тамъ бѣдность, тамъ голодъ терзали моего нещастнаго отца. Я лобызалъ его, держалъ въ моихъ объятіяхъ, призывалъ на помощь природу, обновлялъ жизнь его нѣкоторыми травами, изъ коихъ сокъ выжималъ я на изсохшія и умирающія уста его. Я увидѣлъ его изпускающаго послѣднія воздыханія. Скоро отчаяніе, бѣшенство овладѣли всѣ-

ми

ми моими чувствами. Я выбѣжалъ изъ пещеры; ярость духъ мой исполнила. Вдругъ увидѣлъ я Индѣйцовъ, сражающихся съ Европейцами; сіи-то особливо возобновили мою къ себѣ ненависть и отвращеніе. Я зналъ, что они считаютъ себя просвѣщенными воспитаніемъ, знающими долгъ естественной, и первыми людьми.. Вы свидѣтели были моего бѣшенства, моего изступленія: я хотѣлъ разрушить всю природу... Отецъ мой конечно умеръ. . умеръ конечно съ голоду. . . Ахъ! для чего спасли вы жизнь мою? Дайте избавиться мнѣ отъ сего несноснаго бремени: вы знаете теперь всѣ мои нещастія. Какъ мнѣ облегчить ихъ, какъ не умереть мнѣ! Ты кажешься мнѣ не похожъ на людей, на сихъ варваровъ; кажется, знаешь ты сожалѣніе: оставь умереть меня, ты большаго

шаго благодѣянія сдѣлать мнѣ не можешь. . . .

Я не допущу умереть тебя, вскричалъ Сидней, обнимая его; ты нашелъ теперь сердце, нашелъ друга: не думай, чтобъ всѣ люди были безчеловѣчны; ты увидишь, что есть изъ нихъ нѣжные и чувствительные. Я хочу быть тебѣ вмѣсто отца. . . Скажи мнѣ свое имя. . . Силліемъ называюсь я. Любезной Силли! ты будешь моимъ сыномъ. . . Ахъ, дражайшій благодѣтель! отецъ! отецъ мой. . . но увы! ужъ нѣтъ его на свѣтѣ.

Сидней удвоилъ стараніе свое и горячность возвратить сему нещастному жизнь, которой онъ избѣжать старался; уже два дни здоровье его укрѣпляться начинало: пойдемъ, говорилъ ему Сидней, я хочу помирить тебя съ родомъ человѣ-

ческимъ; пойдемъ, другъ мой! подай мнѣ руку. Онъ повелъ его къ ближнему шатру. Какое зрѣлище, дражайшій родитель! тебяль я обнимаю, вскричалъ Силлій; приключеніе сіе таково было, каковыхъ описать не возможно. Силлій упалъ на шею старика, которой ничего произнести не могъ кромѣ сихъ словъ: о сынъ мой! любезной сынъ мой! Тэ обнималъ онъ его, то лобызалъ Сиднеевы руки. Ты мнѣ сына возвращаешь, великодушный чужестранецъ! ты одну душу другой возвращаешь; наслаждайся симъ зрѣлищемъ. Оно самихъ боговъ достойно; оно пріятное дѣло твоего благотворенія Силлій отверзаетъ очи. Любезной родитель! я еще тебя вижу, ты живешь ... Я столько щастливъ, говорилъ Сидней, что могъ подать тебѣ сей знакъ моего дружества.

Я самъ ходилъ въ ту пещеру, о которой ты мнѣ сказывалъ; я нашелъ тамъ почтеннаго твоего родителя въ рукахъ одного Баніанца, которой укрѣплялъ ослабѣвшія его силы, и которой принесъ ему пищу. Ты видишь, что въ Индіи есть люди. Я велѣлъ его перенести сюда. Живите оба, чтобъ меня любить... Чтобъ обожать тебя, какъ перваго благодѣтеля, перервалъ старикъ... Такъ, сынъ мой! говорилъ онъ Силлію; я ему долженъ за жизнь и за то удовольствіе, которое имѣю я тебя обьемля; я умиралъ; я открылъ глаза, искалъ тебя; незнакомой человѣкъ предстоялъ мнѣ. Онъ лилъ мнѣ въ уста питіе, духъ мой оживившее; онъ далъ мнѣ пищу, силы мои утвердившую; но я не видалъ еще тебя, любезной сынъ! Вотъ вторый жезлъ моея старости, продолжалъ онъ

 гово-

говоритъ, простершись къ Сиднеевымъ ногамъ. Что ты дѣлаешь? сказалъ великодушной нашъ согражданинъ. Я васъ гораздо благополучнѣе; я одолжаю два честныя сердца; почитайте меня съ сихъ поръ за вашего вѣрнаго друга. Агличане, говорилъ онъ съ ласковою усмѣшкою, не всегда непріятели Французамъ.

Силлій съ отцемъ своимъ не находили довольно словъ къ выраженію своея благодарности. Когда видѣли они Сиднея, когда съ нимъ говорили они, тогда давали волю слезамъ своимъ, симъ пріятнымъ слезамъ, кои считаются сердечноюданію. О Сидней благополучный! сколь много ты сего щастія достоинъ! Я ничего еще не сдѣлалъ, друзья мои! сказалъ онъ имъ однажды; не довольно того, что сохранилъ я вамъ жизнь вашу;

шу; но надлежитъ, чтобъ вы мнѣ же должны были за то состояніе, безъ котораго жизнь наша есть бремя. Дѣло мое дошло только до половины, и я стремлюсь его окончить. Не сказывалъ ли ты мнѣ, говорилъ онъ молодому Силлію, что любишь ты дѣвицу, достойную твоея преданности? Любовь, отвѣчалъ тотъ, любовь должна умереть въ сердцѣ моемъ; я не хочу имѣть другаго чувствія, другія страсти, другаго бытія, кромѣ единыя благодарности. Пусть она исполнитъ мое сердце, которое одно не довольно еще за все то, чѣмъ я тебѣ обязанъ. Любезной сынъ! отвѣтствовалъ Сидней; ибо я равно тебя съ отцемъ твоимъ люблю; я повторяю тебѣ то, что хочу я сдѣлать тебя благополучнымъ; а можешь ли ты быть щастливъ, не владѣя тѣмъ, чѣмъ ты

страстенъ? Вѣдай, что я самъ узналъ нѣжность и прелести ея и мученія. Я возвращаюсь въ Европу; поѣду въ Парижъ и поѣду туда съ вами.

Они оставили Индію. Видя стараніе и благодѣяніе Сиднеево къ симъ Французамъ, всякой подумать могъ бы, что старикъ его отецъ, а Силлій братъ его. Часто Сидней примѣчалъ, что сей послѣдній взиралъ на море, тоскуя и проливая слезы. Образъ Юліи въ душѣ его сильнѣе возобновлялся. Чѣмъ ближе становился онъ къ отечеству, тѣмъ больше терзалось его сердце. Куда я ѣду? говорилъ онъ самъ себѣ. Быть свидѣтелемъ щастія другаго, которой Юліею владѣетъ, и которой любимъ ею? Не должно ли мнѣ было на вѣкъ отъ Франціи удалиться? Не долженъ ли я былъ послѣдовать за моимъ благо-

благодѣтелемъ въ Англію? Имѣю ль я отечество другое?... Какъ я не могу бѣжать отъ тѣхъ бреговъ, которые должны быть мнѣ ненавистны? Я хочу видѣть Юлію? Но къ чему сіе, нещастной! Развѣ не усталъ ты еще отъ бѣдствій? Какое бѣшенство влечетъ тебя къ смертельному удару, тебя ожидающему? ... А естьли Юлія не замужемъ ... могу ли я быть ея супругомъ? Мнѣ ли во зло употреблять Сиднеевы милости? Та ли благодарность, чтобъ искушать вновь его благодѣянія? Онъ произнесъ въ слухъ сіи послѣднія слова. Нѣтъ, говорилъ ему Сидней, котораго онъ не видѣлъ за собою. Нѣтъ, ты не долженъ бояться обременить дружбу такого человѣка, котораго вы же одолжили, подавъ ему способъ доказать свою чувствительность. Такъ

 ты,

ты, вскричалъ Силлій съ возхищеніемъ, такъ ты небесное созданіе! Я вашъ другъ, отвѣтствовалъ Сидней.

Они пріѣхали въ Парижъ. Влюбленной смертно Силлій полетѣлъ къ Юліиному жилищу; сказали ему, что умеръ отецъ ея, что всѣ дѣла ихъ сильно разстроены, и что Юлія съ матерію своею живетъ въ крайнемъ убожествѣ и въ жилищѣ неизвѣстномъ. Онъ сталъ о нихъ навѣдываться; узналъ мѣсто ихъ уединенія. Какой видъ явился его взору! Юлія, дражайшая его Юлія, въ бѣднѣйшемъ одѣяніи работаетъ для продолженія нещастной своей жизни и жизни своей матери. Ахъ, дражайшая Юлія! вскричалъ Силлій, упавъ къ ея ногамъ.... Она узнала своего любовника, вскричала, и упала въ руки своея матери, которая стала не-

под-

подвижна отъ радости и удивленія. Это ты, говорила она ему, въ какомъ состояніи ты насъ находишь? Я увидѣлъ васъ, перервалъ Силлій, достойнѣйшими моего почтенія и обожанія. Какъ! и любезная Юлія стала жертвою нещастія?

Между тѣмъ Юлія опомнилась. Не возможно изобразить восхищеніе двухъ сердецъ, проницанныхъ любовію нѣжнѣйшею и жесточайшею, соединяемыхъ еще болѣе узами нещастія. Мать и дочь разсказали Силлію всѣ свои бѣдствія. Оставленныя своими родственниками, вверженныя въ прямую нищету, не имѣли они такого человѣка, которой бы тронулся ихъ слезами. Иногда говорили они о Силліи, и сіе иму услаждало ихъ горесть. Увы! говорила Юлія, естьли онъ живъ, то сердце его конечно нами исполнено; онъ почитаетъ

меня благополучною. Ахъ, Силлій! присутствіе твое велитъ забывать намъ наше горестное состояніе. Ты видишь, что руки мои должны работать для сохраненія жизни моей матери и собственной моей, которая нужна ей. Я вижу, говорилъ Силлій, что Юлія въ нещастіи стократно прекраснѣе, почтеннѣе и обожанія моего достойнѣе. Ахъ, любезные друзья! простите мнѣ за мои душевныя выраженія, такъ есть на свѣтѣ такія существа, на коихъ судьбина весь гнѣвъ свой изливаетъ! Непостижимой рокъ! сердце мое есть сердце ваше; такъ, я отру слезы очей вашихъ. . . извлеку васъ изъ сего ужаснаго состоянія. . Онъ бросился къ отцу своему, которой былъ съ Сиднеемъ. Родитель, великодушной другъ! . . Я нашелъ Юлію нещастную прекраснѣйшею и люб-

любви достойнѣйшею. . Онъ разсказалъ имъ о ихъ злополучіи, изобразилъ имъ ліющіяся ихъ слезы, къ которымъ и свои онъ соединилъ. Пойдемъ, другъ мой! перервалъ Сидней рѣчь его съ поспѣшностію, удали отъ себя толь плачевное изображеніе. Твое намѣреніе не въ томъ ли состоитъ, чтобъ имѣть Юлію твоею супругою? Супругою, отвѣтствовалъ Силлій, я хотѣлъ бы возвести ее на тронъ всея вселенной, естьлибъ я самъ былъ толико щастливъ; но какъ судьбы наши соединиться могутъ? . . . О небо! мы иныхъ союзовъ и знать не должны, кромѣ единаго нещастія. Ахъ! естьлибъ хотя могъ я извлечь ее изъ горестнаго состоянія! . . . Но въ чемъ ты сомнѣваешься? отвѣчалъ почтенной нашъ согражданинъ. Развѣ забылъ ты, что Сидней тебѣ другъ? Есть-

ли

ли ты ее увидишь, великодушной благодѣтель! естьли увидишь ты Юлію, ты узнаешь все достоинство, все владычество нещастія.

Сидней ужиналъ съ Силліемъ и съ отцемъ его: то онъ ихъ обемлетъ, то взираетъ на нихъ съ видомъ той преданности, которая составляетъ душу дружества. Вспомните, говорилъ онъ имъ, взявъ ихъ за руки, что вы меня обязываете; я могу быть полезенъ честнымъ людямъ; что сего благополучнѣе! и я вамъ долженъ... Любите меня; не скрывайте отъ Сиднея сердецъ вашихъ, его предъ вами отверсто будетъ вѣчно. Въ Англіи, говорилъ онъ старику, имѣть ты будешь нѣжнаго и почтительнаго сына, а ты, любезной Силлій! вѣрнаго брата и ревностнаго друга. Прежде не-

нежели онъ ихъ оставилъ, державъ онъ стократно обѣихъ въ своихъ объятіяхъ, и проливая слезы, говорилъ имъ: какое удовольствіе вы заставили меня чувствовать! На другой день, какъ готовились они итти къ своему благодѣтелю, Силлій получилъ слѣдующее письмо:

„Дѣла мои зовутъ меня въ „отечество; я отъѣжжаю, друзья „мои! оставляя вамъ нѣкоторые „знаки той дружбы, которую „я сохраню до гроба. Къ те„бѣ, юной Силлій! обращаю „теперь рѣчь мою, ты благо„разуменъ, наученъ нещасті„емъ, тебѣ легче будетъ стать „разсудительнымъ и узнать „цѣну той посредственной жи„зни, въ которой можно истин„ныя чувствовать веселія, со„храняя добродѣтель. Будь ты „супругомъ Юліи; живи съ от„цемъ своимъ и другомъ; со-

„ставьте вы честную семью,
„ которая послужитъ примѣромъ
„ всѣмъ людямъ. Я просилъ бы
„ тебя повести меня къ Юліи;
„ но того опасаюсь, чтобъ при-
„ сутствіе мое не было имъ
„ толь непріятно, сколь ихъ
„ мнѣ чувствительно; онѣ не-
„ щастны; а нещастіе требуетъ
„ уваженія, которое тебѣ не
„ неизвѣстно. Простите, дру-
„ зья мои! вы обо мнѣ слышать
„ всегда будете, а я васъ всег-
„ да любить буду, кудабы ме-
„ ня ни завела судьбина. Не
„ говорите мнѣ ничего о благо-
„ дарности; я вамъ ею долженъ,
„ естьли вы имѣете толь доб-
„ рое обо мнѣ мнѣніе, чтобъ
„ малыя мои благодѣянія сочли
„ вы собственнымъ вашимъ бла-
„ гомъ.„

Вашъ другъ

СИДНЕЙ.

P. S.

P. S. Завтра поутру принесутъ къ вамъ пять тысячь фунтовъ стерлинговъ.

Силли не успѣлъ еще окончить чтеніе письма, какъ принесли къ нему столько денегъ, сколько въономъ обѣщано.

Молодой человѣкъ и отецъ его не могли ни слова промолвить отъ радости, удивленія и благодарности. О божественное сердце! возопилъ Силлій, ты удаляешься отъ нашего обожанія, отъ слезъ нашихъ! Но ты исполняешь ядомъ всѣ свои благодѣянія, лишая насъ веселія простертися къ ногамъ твоимъ; обожать тебя, какъ образъ благодѣтелей . . . Сердца наши послѣдуютъ повсюда за тобою. Душа Ангельская! говорилъ старикъ. Ахъ, любезной сынъ! какого мы узнали человѣка! Онъ не такое существо, какъ всѣ люди!

Сидней! мы хотѣли бы отъ благодарности умереть у ногъ твоихъ. . .

Правда, что естьли нѣтъ такихъ благодѣтелей, каковъ Сидней, то нѣтъ также и толь благодарныхъ и чувствительныхъ сердецъ, каковы были тѣ, коихъ онъ одолжилъ. Можно себѣ представить, съ какимъ возхищеніемъ молодой Силлій сказалъ сію вѣдомость своей любовницѣ; онъ наслаждался щастіемъ, дѣлая благополучіе той, которая ему была всего на свѣтѣ дороже; онъ на ней женился, купилъ малую деревню, куда поѣхалъ жить съ отцемъ своимъ, съ женою и съ ея матерію. Каждой день, каждая минута прибавляла ихъ благополучіе и благодарность умножала; онъ благословлялъ вышнее Существо и Сиднея во всемъ томъ, чѣмъ онъ владѣлъ; все воспламеняло его къ своему благодѣтелю. Ча-

Часто получали они письма отъ Сиднея, и въ отвѣтахъ своихъ изъявляли ему исполненныя нѣжнѣйшимъ чувствованіемъ сердца свои. Сидней ѣздилъ въ другой разъ въ Индію. Переписку свою не могли они вести съ такою точностію; и сіи толь чувствительные, толь благодарные люди, возмущались о судьбинѣ своего друга: всѣ Агличане имъ любезны были. Но какой ударъ вдругъ поразилъ ихъ! Они услышали, что Сиднея нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Молодой Силлій и вся семья обременены были жестокою печалію; старикъ не снесъ толь ужасной вѣсти; онъ занемогъ и сталъ близъ смерти. Сынъ, окруженной своею женою и дѣтьми, иногда ихъ отъ себя отталкивалъ и только умереть желалъ. Сиднеево имя было одно токмо выраже-

ніе его мрачнаго отчаянія! жена его показывала ему всю семью, которая въ немъ одномъ всю свою надежду полагала. Онъ ожилъ; но для того, чтобъ терзаться лютѣйшею тоскою, и чтобъ искать мѣстъ удаленнѣйшихъ.

Однажды ушелъ онъ въ средину рощи близъ большой дороги. Сидя у тѣни древа, потупя къ землѣ голову, обремененной печалію и самою смертію, возопилъ онъ: . . . Сидней! уже я съ тобою не увижусь! уже не могу имѣть тебя въ моихъ объятіяхъ, я, котораго сердце пронзенно твоими благодѣяніями! Ты словъ моихъ не видишь! Ты слезъ моихъ, ты стенанію всей моей семьи не внемлешь! Гдѣ ты, дражайшій Сидней? Въ объятіяхъ твоихъ, отвѣтствовалъ нѣкто, бросясь къ Силлію;

лію; и сей-то был самъ Сидней. — Сидней! . . Болѣе сего Силлій вымолвить не могъ; онъ лишился памяти; а тотъ, проливая источники слезъ, говорилъ ему такъ: любезной Силлій! ты видишь своего друга, пришедшаго отъ конца земли наслаждаться зрѣлищемъ дружества, обнять тебя и дѣлать тебѣ новыя услуги. Я весь мой обозъ послалъ къ тебѣ; а мнѣ сказалъ теперь крестьянинъ, что ты пошелъ въ сей лѣсъ, и я хотѣлъ имѣть удовольствіе привести тебя нечаяннымъ моимъ прибытіемъ въ восхищеніе . . . Силлій опомнился. . . — Дражайшій Сидней! тебяль я обнимаю? . . . Поди смотри на то, чему ты сталъ причиною . . . дѣти мои суть твои дѣти. . . Онъ кликнулъ одного изъ слугъ своихъ, находившагося на большой

дорогѢ: — БѢги скорѢй ко мнѢ . . . мой благодѢтель! . . Пусть отецъ мой, жена, дѢти кинутся къ ногамъ его . . . Мой другъ! Какая радость! я тебя обнимаю! . . . но почто поразили меня сею ужасною вѢстію? Я скажу тебѢ причину, отвѢтствовалъ Сидней, поспѢшимъ видѢть твою семью. Они пришли туда почти въ одно время съ крестьяниномъ. Вошли въ покои къ старику; онъ могъ только протянуть руки свои къ Сиднею. — О дражайшій сынъ! мой достойной другъ! — Прекрасная Силліева жена, которой не было еще дватцати пяти лѢтъ, трое дѢтей, изъ коихъ старшій былъ шести, самъ Силлій упали къ Сиднеевымъ ногамъ; обнимали колѢна его со слезами, и рыдая не могли они промолвить, кромѢ сего единаго слова: — Дражай-

жайшій нашЪ благодѣтель! Сидней, поднявЪ ихЪ, обнимая и плача, говорилЪ: вотЪ зрѣлище, коимЪ добродѣтель наслаждается! вотЪ ея награда! Любезная Юлія! любезныя дѣти! вскричалЪ Силлій: вы зрите передЪ собою отца своего. ОнЪ творецЪ вашея жизни, вашего щастія, коимЪ вы наслаждаетесь: почитайте его: симЪ самымЪ почтете вы Бога вЪ его подобіи. . . О дражайшій Сидней! вкушаешь ли ты радость благотворенія? питаешься ли ты ея пріятностьми?

Сидней хвалилЪ красоту и прелести Юліины. Она была добродѣтельна подЪ образомЪ любви. ОнЪ бралЪ сихЪ младенцевЪ, сихЪ невинныхЪ тварей кЪ себѣ на руки: они улыбались сЪ тою пріятностію, которая принадлежитЪ только кЪ первымЪ прекраснымЪ днямЪ природы.

 Стар-

Старшій, ласкаясь къ нему съ милымъ и приманчивымъ видомъ, говорилъ ему: намъ велѣлъ батюшка всякой день за васъ молиться Богу; и мы, отдавъ Ему наше сердце, просимъ у Него тебѣ долголѣтной жизни.... ты также нашъ отецъ. . . . Какое приношеніе, какое удовольствіе для Геройскія души нашего любезнаго Британца! Легко видѣть можно, что вся Силліева семья важнѣйшее свое упражненіе полагала въ приношеніи Сиднею своея благодарности.

Нѣсколько недѣль остался онъ съ своими друзьями; старикъ выздоровѣлъ и пришелъ нѣсколько въ бодрость своихъ прежнихъ лѣтъ. Они разсказали другъ другу взаимно дѣла свои. Сидней сказывалъ, что онъ жестоко былъ боленъ, и что считали его уже мертвымъ;

вымъ; а сіе и было причиною ложному о смерти его слуху. Силлій вошелъ въ дѣла съ своимъ благодѣтелемъ: по нашему примѣру взялся онъ за коммерцію для пріобрѣтенія себѣ приличнаго состоянія. Онъ былъ Французъ и Дворянинъ; однако не постыдился предпочесть сіе состояніе тому, которое избрали подчиненныя твари, изверги переднихъ комнатъ знатныхъ Бояръ и любимцовъ фортуны. Ежедневно Сидней вкушалъ новыя удовольствія. Силлій открылъ ему свою душу, показалъ ему спокойство и тишину, коими она наслаждалась. Уже не былъ онъ тотъ свирѣпой нелюдимъ, врагъ человѣческаго рода; уже былъ онъ Философъ просвѣщенной, благодарящій непрестанно въ сердцѣ своемъ Бога и Сиднея. Онъ

былъ столь благополученъ, что и сестра его имѣла наконецъ нужду въ его щедрости, и онъ вкусилъ наиприятнѣйшее отмщеніе; онъ сдѣлалъ ей одолженіе. Домъ его имѣлъ благородную простоту души его. Время свое раздѣлялъ онъ между должностію и утѣхами своими, изъ коихъ пріятнѣйшія состояли въ томъ, чтобъ любить жену свою, воспитывать дѣтей своихъ, вкоренять въ нихъ всѣ свои и супруги своей добродѣтели и единодушную любовь къ добродѣтельному Сиднею. На канунѣ его отъѣзда сдѣлали они для него обѣдъ съ большимъ приготовленіемъ. По окончаніи стола принесли большое блюдо. Силлій просилъ Сиднея открыть его; онъ его открылъ, и увидѣлъ великое число луидоровъ. Удивленіе его было неска-

сказанно. Силлій кинулся къ нему на шею: дражайшій Сидней! говорилъ ему, вотъ тѣ пять тысячь фунтовъ стерлинговъ, которые далъ ты мнѣ взаемъ толь великодушно; они столь мнѣ полезны были, что я ими нажилъ состояніе, въ которомъ желанія мои исполняются. Сія малая деревня принадлежитъ мнѣ, и я имѣю, чѣмъ воспитать любезныхъ мнѣ дѣтей, которыя любить тебя будутъ до послѣдняго издыханія. О превосходныя созданія! вскричалъ Сидней, колико достойны вы щастія вашего, и столь ли я благополученъ, чтобъ могъ къ оному вамъ подать способы!.. Ахъ, друзья мои! Я самъ получилъ воздаяніе. Сіи пять тысячь фунтовъ стерлинговъ столько мнѣ принесли, что прибытокъ съ нихъ я самъ заплатитъ

вамъ долженъ. Онъ не успѣлъ еще окончить сихъ словъ, какъ всю сумму раздѣлилъ на три части, и каждую отдалъ онъ тремъ младенцамъ, говоря имъ: друзья мои! возмите ваше собственное; въ сей только разъ будьте вы отцу своему преслушными; не откажите мнѣ въ томъ, не разсердите меня тѣмъ и обоймите меня . . . Силлій, отецъ его, жена, чувствуя въ сердцахъ своихъ истинную къ нему благодарность, хотѣли принудить Сиднея къ принятію сей суммы; но онъ, отрекшись отъ того, снялъ еще съ руки своей перстень, и надѣлъ Юліи на руку: мой другъ, говорилъ онъ ей, позволитъ вамъ носить сей малой знакъ моего дружества: перстень сей стоилъ двухъ тысячь гиней.

Онъ нѣсколько уже разъ переходилъ Силліевы покои; вдругъ отворилъ онъ дверь по одну сторону его спальни. Сидней увидѣлъ тамъ свой портретъ, увѣнчанной цвѣтами съ сею надписью: *благодѣтель нашъ*. Онъ кинулся въ объятія Силлія: что я видѣлъ! Ты видѣлъ, отвѣтствовалъ тотъ, ты видѣлъ предметъ искреннѣйшаго моего по Богѣ обожанія. Каждой день отецъ мой и вся моя семья приходятъ сюда воздавать тебѣ свое истинное почитаніе и произносить сердечнымъ гласомъ: се творецъ истиннаго существа нашего и щастія, коимъ мы наслаждаемся. Любезной Сидней! сей есть храмъ благодарности, и дѣти мои каждое утро цвѣтами оной украшаютъ. Китайцы почитаютъ память Конфуція; для чего же намъ не почи-

читать образъ добродѣтельнѣйшаго изъ всѣхъ смертныхъ? Въ первое путешествіе твое во Францію старался я удержать у себя малой твой портретъ, которой я нашелъ между бумагами; а съ него и сей большой уже сдѣланъ. Всеминутно воспоминаетъ онъ мнѣ моего друга, почтеннаго Сиднея ... Такъ, говорилъ отецъ и жена его, вошедши къ нимъ въ ту минуту, сей есть предметъ богослуженія дружеству; а ты божество наше ... Сидней ихъ обнимаетъ, проливаетъ слезы, слезы истинной и небесной радости. Ахъ! вскричалъ онъ, вы Ангелы земные! сколь много душа ваша моей превыше! Вы еще и меня чувствительнѣе! Не разлучимся болѣе, друзья мои! у меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, будьте вы семья моя, дѣти

мои,

мои, дѣти сердца моего. Я съѣжжу только въ Индію и возвращусь въ объятія ваши.

Сидней сдержалъ свое слово. Онъ пріѣхалъ къ нимъ жить въ ихъ прекрасную деревню; онъ не могъ престать хвалить *свою любезную семью*; такъ онъ называлъ тѣхъ, коихъ чувствованія умножались всегда благодарностію и нѣжностію.

Все собраніе единогласно назвали Сиднея Героемъ сердецъ благодѣтельныхъ; но Невтонъ, сказалъ одинъ изъ друзей нашихъ, Невтонъ со всемъ тѣмъ останется всегда великимъ человѣкомъ.

КОНЕЦЪ.

ПОСЛАНІЕ

КЪ

СЛУГАМЪ МОИМЪ

ШУМИЛОВУ, ВАНЬКѢ

И

ПЕТРУШКѢ.

КЪ СЛУГАМЪ МОИМЪ.

Скажи, Шумиловъ! мнѣ: на что сей созданъ (свѣтъ?
И какъ мнѣ въономъ жить, подай ты мнѣ (совѣтъ.
Любезной дядька мой, наставникъ и учитель!
И денегъ, и бѣлья, и дѣлъ моихъ рачитель!
Боишься Бога ты, боишься сатаны,
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены, медвѣдь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька, и Петрушка?
На что ты созданъ самъ? скажи, Шумиловъ! мнѣ.
На то ли, чтобъ свой вѣкъ провелъ ты въ (крѣпкомъ снѣ?
О таинство, отъ насъ сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумиловъ! ты сѣдой своей главою.
„Не знаю, говоришь, не знаю я того,
„Мы созданы на свѣтъ и кѣмъ, и для чего.
„Я знаю то, что намъ быть должно вѣкъ (слугами,
„И вѣкъ работать намъ руками и ногами;
„Что долженъ я смотрѣть за всей твоей казной,
„И помню только то, что власть твоя со мной.
„Я знаю, что я мужъ твоей любезной няньки;
„На что сей созданъ свѣтъ, изволь спросить (у Ваньки.„

КЪ тебѣ я обращу теперь мои слова,
Широкія плеча, большая голова,
Малѣйшаго ума пространная столица!
Во области твоей кони и колесница (*),
И стало наконецъ угодно небесамъ,
Чтобъ слушался тебя извощикъ мой и самъ.
На свѣтску суету вседневно ты взираешь,
И стоя назади, Петрополь (**) обтекаешь,
Гото-

(*) Ванькѣ поручено было смотрѣніе надъ каретою и лошадьми.

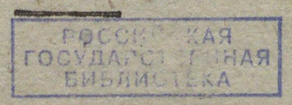
(**) Сіе посланіе писано въ Петербургѣ.

Готовься на вопросъ премудрой дать отвѣтъ,
Вѣщай, великій мужъ! на что сей созданъ свѣтъ?
Какъ тучи ясной день внезапно помра-
(чаютъ,
Такъ Ванькинъ ясной взоръ слова мои смуща-
(ютъ.
Сомнѣніе его тревожить начало,
Наморщилась его и харя и чело.
Вѣщаетъ съ гнѣвомъ мнѣ: „На всѣ твои затѣи
„Не могутъ отвѣчать и сами грамотеи,
„И мнѣль о томъ судить, когда мои глаза
„Не могутъ различить отъ ижицы аза?
„Съ утра до вечера держася на каретѣ,
„Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ.
„Не ловко помышлять о томъ и во дворцѣ,
„Гдѣ часто я стою смиренно на крыльцѣ,
„Откуда каждой часъ друзей моихъ гоняютъ,
„И палочьемъ гостей къ каретамъ провожа-
(ютъ.
„Но естьли на вопросъ мнѣ должно дать от-
(вѣтъ,
„Такъ слушайтежъ, каковъ мнѣ кажется сей
(свѣтъ.
„Москва и Петербургъ довольно мнѣ зна-
(комы,
„Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и домы;
„Шатаясь по свѣту и вдоль и поперегъ,
„Что могъ увидѣть я, того не простерегъ.
„Видалъ и трусовъ я, видалъ я и нахаловъ,
„Видалъ простыхъ Господъ, видалъ и Гене-
раловъ;
„А чтобъ не завести напрасной съ вами споръ,
„Такъ знайте, что весь свѣтъ считаю я за
(вздоръ.
„Довольно на вѣку я свой животъ помучилъ,
„И ѣздить назади я истинно наскучилъ.
„Извощикъ, лошади, карета, хомуты,
„И все, мнѣ кажется, на свѣтѣ суеты.

„Здѣсь

,,Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу
(скупость,
,,Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
,,Да сверьхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
,,Столь много времени неправдою живетъ,
,,Что нѣтъ уже такихъ кащеевъ на примѣтѣ,
,,Которыбъ истинну запомнили на свѣтѣ.
,,Попы стараются обманывать народъ,
,,Слуги дворецкаго, дворецкіе Господъ,
,,Другъ друга Господа; а знатные Бояря
,,Не рѣдко обмануть хотятъ и Государя,
,,И всякой, чтобъ набить потуже свой карманъ,
,,За благо разсудилъ приняться за обманъ.
,,До денегъ лакомы посадскіе, Дворяне,
,,Судьи, подьячіе, солдаты и крестьяне.
,,Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ
,,Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.
,,Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
,,А пастыри при томъ карманы набиваютъ.
,,За деньги чистыя прощаютъ всякой грѣхъ,
,,За деньги множество въ Раю сулятъ утѣхъ;
,,Но есть ли говорить на свѣтѣ правду можно,
,,Такъ мнѣніе мое скажу я вамъ не ложно:
,,За деньги самаго всевышняго Творца
,,Готовы обмануть и пастырь и овца.
,,Что дуренъ здѣшній свѣтъ, то всякой пони-
(маетъ;
,,Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ.
,,Довольно я моллъ, пора и помолчать,
,,Петрушка, можетъ быть, вамъ станетъ
(отвѣчать.,,
,,Я мысль мою скажу, вѣщаетъ мнѣ Петрушка:
,,Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребятская игрушка.
,,Лишь только надобно потверже то узнать,
,,Какъ лучше живучи игрушкой той играть.
,,Что нужды, хоть по томъ и возьмутъ душу
(черти,
,,Лишь толькобъ удалось получше жить до
(смерти?

„На что молиться намъ, чтобъ далъ Богъ ви-
(дѣть Рай?
„Жить весело и здѣсь, лишь ближними играй.
„Играй, хоть отъ игры и плакать ближній
(будетъ,
„Щечи его казну, твоя казна прибудетъ;
„А чтобъ пріятнѣе еще казался свѣтъ,
„Бери, лови, хватай все, что ни попадетъ.
„Всякъ долженъ своему послѣдовать разсудку;
„Что ставишь въ дѣло ты, другой то ста-
(витъ въ шутку.
„Не частоль отъ того родится всѣмъ бѣда,
„Чѣмъ тѣшиться хотятъ большіе Господа,
„Которы нашими играютъ Господами,
„Такъ точно, какъ они играть изволятъ нами.
„Создатель твари всей себѣ на похвалу
„По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по
(столу;
„Иныя рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
„Другія морщатся, грустятъ, тоскуютъ,
(плачутъ.
„Вотъ какъ вертится свѣтъ! А для чего онъ
(такъ,
„Не вѣдаетъ того ни умной, ни дуракъ.
„Однако ежели какими чудесами
„Изволили спознать вы ту причину сами,
„Скажите намъ ее.„ .. Симъ рѣчь окончилъ онъ,
За рѣчію его послѣдовалъ поклонъ.
Шумиловъ съ Ванькою, хваля догадку ону,
Отвѣсили за нимъ мнѣ также по поклону,
И трое всѣ они, возвыся громкой гласъ,
Вѣщали: „Не скрывай ты таинства отъ насъ.
„Яви ты намъ свою въ рѣшеніяхъ удачу,
„Рѣши ты намъ свою премудрую задачу!„
А вы внемлите мой, друзья мои! отвѣтъ:
„И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ.„

„На … богъ вы-
… ъ Рай?
„Ж … играй.
„И … лижній
… удешъ,
„Щ … пъ;
„А … ,
„Б … детъ.
„В … всудку;
„Ч … ко ста-
… пушку.
„Н … бѣда,
„Ч … епода,
„К …
„Т … ъ намъ.
„С … у
„П … олъ по
… ешоку;
„И … качутъ,
„Д … уютъ,
… качутъ.
„В … его онъ
… (такъ,
… къ.
„Н …
„О … ми,
„И … хъ онъ,
„С …
За …
Щ … ону,
п … ому,
И … ,
Вѣ … ъ насъ.
„Я … чу,
„Н … у!„
… твѣтъ:
„У … вѣтъ.„

